

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАРТОВЕДЕНИЯ И ПОЛЕВОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

СЕРИЯ «ВЕДУЩИЕ АБХАЗОВЕДЫ»

Ответственный редактор серии
З.Д. Джапуа

Серия основана в 2011 г.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

**К 80-летию академика АН Абхазии
Шоты Хичовича Салакая**

**Сухум
НААР
2014**

С.О. Хаджимба
(Сухум)

СОЧЕТАНИЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ И ПРОКЛЯТИЙ В ЗАСТОЛЬНЫХ ТОСТАХ АБХАЗОВ

Среди всего разнообразия застольных тостов, которыми богата традиционная культура абхазов, выделяется особая, шуточно-юмористическая группа тостовых посланий, характерной особенностью которых является удивительное по своему смысловому антагонизму и природному единству сочетание благопожеланий и проклятий. Произнесение такого тоста налагало немалую ответственность на оратора, при котором проявлялись его знания обычаев, языка, чувства юмора и особенно чувства меры. Это невероятное сосуществование служило неким щитом от зла и сглаза. Аналогичные двухчастные тосты встречаются и у адыгов (см. Бгажноков 2011).

В изучении подобных удвоенных тостов возникает немало трудностей, связанных в первую очередь с семантикой, что вызвано глубокой архаичностью этих текстов. Исследование абхазских бинарных тостов находится пока на уровне фиксации и публикации материала. Существует несколько работ, в которых частично рассматривается предназначение тостовых посланий в целом и их количество в зависимости от вида застолья (см.: Инал-ипа 1984: 123–135; Калимова, Чирикба 1998; Зыхэба 2006: 573–591; Кәәғәәния 2008).

По своей композиционной схеме абхазские застольные проклятия делятся на бессюжетные и сюжетные. Первая группа тостовых посланий состоит из набора благопожеланий и проклятий, соединённых в едином стихе, с помощью рифмованных окончаний, единого ритма и т.п. Во вторую группу входят застольные проклятия с развёрнутой сюжетной линией в благопожелательной части текста. Сохранились всего лишь несколько единиц подобных текстов.

Функция тостовых благопожеланий и тостовых проклятий одна: подтверждение добра и обезвреживание зла. Потому объекты обеих частей тоста были разными. Причём адресат заздравной части тоста мог быть персонифицирован, что категорически запрещалось во второй части тоста, так как подобное обличение личности могло привести к обидам, ссорам и нарушить весёлую атмосферу застолья. К тому же вполне вероятно, что противника среди сотрапезников могло и не оказаться. Не исключая возможность отсутствия адресата своего проклятия оратор иногда уточняет в своей речи:

Уара уызцәымгыу хәа зәыр дыказар...

Если есть кто-то недолюбливающий тебя...¹
(Кәәғәәния 2008: 119)

Застольные проклятия, как и благопожелательная часть тоста, произносились во всеуслышание, при большой аудитории. Сам же предполагаемый

¹ Здесь и далее перевод наш.

противник может и не подозревать о своём «дурном» глазе, не намереваясь отрицательно влиять на людей и события. У абхазов в связи с этим есть свой способ борьбы со сглазом. А именно, считается, что если человеку с «плохим» глазом сказать о его отрицательном магическом воздействии, сила его намного ослабнет.

Как справедливо отмечает Б.Х. Бгажноков, «главная задача ритуальных проклятий – создать собирательный образ человека, олицетворяющего тёмные силы, и одновременно высмеять, заклеить, обезвредить его, чтобы показать в конце концов, всю неприглядность и бесперспективность зависти и зла» (Бгажноков 2011: 412).

В абхазских бинарных тостах обращение к Богу (Анцва) сложно выделить как отдельную самостоятельную часть тоста, она, как правило, входит в обращение к лицу, в честь которого произносится тост. Причём, блага испрашиваются не только для одного лица, к которому обращена заздравная речь, но и для всей его фамилии и всего народа:

Ужџџла ныхџџа, ухы ныхџџа!
Ажџџлар ныхџџаны, урыланыхџџаны!»

Благослови [Господь] фамилию твою, тебя самого!
Благословен пусть будет народ твой
и ты посреди своего народа!
(Зыхџџба 2006: 580)

Это благопожелание связано с тем, что, безусловно, человек может быть счастливым лишь в том случае, если в здравии род его и весь народ в целом живџџт спокойной, мирной жизнью.

Часто само обозначение объекта благопожеланий происходит завуалировано. При этом большое значение придаџџтся числам, которые считаются магическими. Каждая строка тоста с подобной композицией, как кольца одной цепи, нанизаны друг на друга:

Уара уаныишаз,
Аа-шак уыцыйишит.
Аа-шак аа-баак рхоуп,
Аа-шџџындыкџџерак иырџџоуп.
Уырт аа-цацхак рџџоуп.
Уырт ацацхакџџа
Аа-хџџтныхџџасак ирымоуп.
Аа-хџџтныхџџасак
Аа-хацџџџџарцарк ирымоуп.
Уырт ахыуымоу
Уара иуыхыуазеи?!

Когда [Бог] создал тебя,
 Восемь творений сотворил с тобой.
 Восемь башен над восьмью творениями,
 В восьми сундуках лежат,
 Восьмью ключами заперты они.
 Ключи те
 У восьми придворниц.
 Восемь придворниц
 За восьмью парнями.
 Коль они есть у тебя
 Что случится с тобой?!
 (Там же: 580–581)

Затем происходит тот самый переход от благопожеланий к застольным проклятиям. Существует уже устоявшаяся формула перехода. Как правило, она звучит так: «Мап зхэара...» – «Тому, кто на это нет скажет...» (Там же: 580); «Уара уызцэымгы...» – «Тому, кто тебя недолюбливает...» (Кэагэания 2008: 111–112); «Уара уызцэымгы хэа зэыр дыказар...» – «Если есть кто-то недолюбливающий тебя...» (Там же: 119).

Часто, как и первая, «светлая» часть тоста, начало второй части тоста, застольной брани сопровождается обращением к Богу. Особого внимания заслуживает отсутствие в тостовых проклятиях пожелания смерти. Предполагаемому противнику желают долгой и мучительной жизни, что само по себе хуже смерти:

Ера дымцсуа, дмызуа, итынхацэа дрылахааит!
 Чтоб ни умирая, ни пропадая, среди родственников блуждал!
 (Зыхэба 2006: 580)

Автор по завершении проклятия обращается к Богу с благопожеланиями в свой адрес и в адрес своих близких, тем самым отделяя себя и тех, кто ему дорог, от тёмных сил. От объекта своих злопожеланий оратор возвращается к благопожеланиям, с которых и начинается тост, со словами:

Ибарца бгатэартаны
 Уаа, Анцэа икаицааит!
 Уара уныхэазааит!
 Агэабзыиара уыгымхааит!

 Чтоб балкон его стал местом сбора волков,
 Уаа, Анцва пусть сделает так!
 А ты, пусть благословен будешь!
 Чтоб в здоровье нехватки не знал!
 (Там же: 581–582)

В адыгских бинарных тостах подобное обязательное обращение-зачин к Богу отсутствует, так же, как и возвратное благопожелание в завершении речи оратора, соответственно, тост оканчивается злопожелательной частью:

«Чтоб дети его голодные, выпрашивая мясо, бегали,
Таким пусть [навсегда] останется!»
(Бгажноков 2011: 425)

В абхазских текстах тостовых проклятий часто фигурируют так называемые формулы невозможного. Эта черта присуща не только застольной брани, но и абхазским проклятиям в целом. Произносящий проклятие, заведомо знает о неисполнимости тех задач, которые он ставит перед прокли-наемым. Очень частым компонентом формул невозможного является жертва белой масти (хэыц сикэацэа злам – без единого чёрного волоска), которая приносится в качестве искупления. Автор тоста осыпает противника всевозможными проклятиями, и «согласен» освободить его от «оков» своих злопожеланий лишь тогда, когда мать нартов Сатаней-Гуаща осветит его своим благословением.

Сатанси-Гэашья лыкэты шыахэыш лыщпракны,
Ларгъа напала ихы иакэлыхшаанза,
Кэыхша дыймоуаат!

Пока Сатаней-Гуаща свою курицу-белоножку,
Правой рукой своей не обведёт вокруг головы его,
Пусть до тех пор не будет ему благословителя!
(Кэагэания 2008: 111–112)

В одном из текстов фигурирует не Сатаней-Гуаща, а дочь Арланов Гуаща¹:

Арлан-цха Гэашья
Ларбагъ сикэа шыагэыш,
Ларгъа напала иааиыкэлыхшаанза,
Кэыхша дыимыхэо Анцэа дкаицааит!

Пока дочь Арланов Гуаща
Чёрного петуха своего белоногого
Правой рукой своей не обведёт вокруг головы его,
Чтоб ни один благословитель не был ему спасителем,
пусть [так] сделает Анцва!
(Там же: 119)

¹ Древняя фамилия, которая не часто, но встречается в устном творчестве абхазов.

Примечательно, что в прозаических текстах как в нартском эпосе, так и в других жанрах не упоминается о наличии такой курицы ни у Сатаней, ни у дочери Арланов.

Имеются также устоявшиеся, стандартные формулы, которые появляются почти во всех текстах тостовых посланий:

Иаб ишәакъ ахы ашьа т̄к̄ауа!..

Чтоб из ствола ружья отца его кровь выходила!..
(Зыхэба 2006: 581)

Иыжә мхьо, иныга цеуа!..

Чтоб корова его не телились, чтоб подошник его разбивался...
(Кәагәаниа 2008: 110–111)

В заздравной части тоста в виде устоявшейся формулы встречается расширенное обозначение объекта благопожеланий, претерпевающее в связи с некоторыми вариациями небольшие изменения:

Уара уаныишаз,
Аа-лак уыцыишет,
Аа-лак аа-шәындыкәрак иыртоуп...

Создавая тебя,
Восемь собак сотворил с тобой
Восемь собак в восьми сундуках...
(Зыхэба 2006: 581–582)

Во второй части тостов стандартные речевые формулы встречаются в большем количестве нежели в первой. Существуют при этом по семантике своей совершенно разные, но строго придерживающиеся своей последовательности парные фразы-проклятия:

Иыюныргәы фысыртаны,
Ибарца чопхәартаны...

Чтоб середина дома его была местом удара молнии,
Чтоб с балкона его всадники лошадей своих понукали...
(Там же: 580)

Иыцгәы кыууа,
Ила уыууа...

Чтоб кошка его мяукала,
Чтоб собака его выла¹...
(Кѣагѣаниа 2008: 110)

Иыццѣа цѣкы-жѣкы рзымхауа,
Иыбзацѣа ацъымшъх-ацѣа рмоуа...

Чтоб покойникам его бычка и коровы не хватало,
Чтоб живые его луковой шелухи не имели...
(Там же: 110)

Те незначительные изменения, которые могут произойти в этих фразах, в основном, связаны с региональными диалектными особенностями сказателей.

Среди небольшого количества бинарных тостов встречаются и такие, в обоих составных частях которых содержатся антитезы. Так, обращаясь с благопожелательной речью, оратор говорит:

Аѣа икыр, ипытуа,
Аза икыр, иышѣтуа...

Если берёшь в руки сухую [ветку], чтоб почки пускала;
Если берёшь в руки живую [ветку], чтоб расцветала...
(Зыхѣба 2006: 583–584)

В следующем за заздравной частью проклятия, автор тоста меняет смысловое направление своего послания:

Аѣа укыр, иыццѣо,
Аза укыр, иымпыцаѣо...

Чтоб сухая [ветка] в руках у него ломалась,
Чтоб живая [ветка] в руках у него сохла...
(Там же)

В подобной же форме-противостоянии автор послания благословляет путь адресата первой части и прокликает дорогу противника здравиц:

Быжь-шьхак уырхыцшны,
Адѣы цшза уахынѣацшша,
Абнацѣкѣа силаарцыруа иахѣахѣуа
Анцѣа иыуиырбааит!

¹ Вой собаки издревле считается предвестием беды. Абхазы верят, что в доме, где воет собака или поблизости от него в скором времени произойдёт смерть.

За семью горами
Созерцаю поляну красивую
Оленей пастбища
Пусть покажет тебе Бог!
(Там же)

Во второй части тоста оратор меняет тот объект, который ждёт адресата в названном месте:

Быжь-шьхак дырхыцшы дахьынтацшуа,
Амацкәа силаарцыруа
Иыбла иаахгылааит!

За семью горами бросив взгляд свой
Чтоб змеи переливающиеся
Встали перед глазами!
(Там же)

В первой паре рассматриваемых примеров можно заметить, что фраза с благопожелательным аспектом адресована второму лицу единственного числа. Объект известен, это собеседник оратора. Послание же с негативными пожеланиями адресованы третьему лицу единственного числа, то есть объект как бы известен, это противник здравицы, но личность его, как отмечалось выше, не раскрывается.

Во второй паре-антитезе, автор осмысленно посылает обоих адресатов в путь именно за семью горами. В абхазской повествовательной традиции сказитель «отправляет» своего героя за семью горами за славой, счастье своё герой также нередко находит за далью семи гор и т.д. К тому же, в традиционной речи абхазов по сей день сохранилось выражение-оберег – «Бжьы-шьхак рнафс...» («За семью горами»), что произносится непосредственно после рассказа о некоем бедствии, несчастье, тем самым произносящий как бы отталкивает беду от себя, перенаправляет её туда, откуда ей не вернуться, так как с долин за семью горами дано вернуться только герою из героев (афырхаца). Кроме того, несчастье не только отгоняется от «защитившегося», но и удаляется из реального мира, поскольку каждая гора в фольклоре абхазов, не просто гора, а другой мир, потому «за семью горами» есть понятие «за семью мирами».

Герой здравицы, преодолев путь за семью горами, находит свою охотничью удачу, в то время как взору антигероя тостового послания предстаёт куча переливающихся змей.

Связка и переход от благопожеланий к проклятиям в сюжетных и в бесюжетных тостах не отличаются друг от друга. Зачином сюжетного тоста, как правило, выступает хвалебное слово в адрес героя здравицы, вокруг «приклю-

чений» которого и разворачивается в последующем сюжет. Оратор говорит о герое как о превосходном наезднике, вооружённом с ног до головы всаднике:

Уара, усыуаф бзыиан, усырца-сырцо,
Уабцъар, уара, уеиқәных...
Ан улыхшаахыс ухымта камшәазац...

Ты, всадником хорошим гарцуя,
Весь во всеоружии,
С рождения своего промаха не знаешь...

(Кәагәаниа 2008: 111–112)

Автор тоста красочно описывает весь путь героя, уточняя при этом характер его: «Ахаангы уыхнымхәыцыт ахыз мгакәа...» – «Без славы не знал ты пути обратного...» (Там же). Следуя древнему обычаю, герой отправляется в дорогу за доблестью и славой (хьызрацара).

По пути героя ожидают всевозможные ситуации, из которых он выходит с честью. При этом подчёркивается, что герою чужды какие-либо алчные желания, а руководствуется он исключительно своим апсуара, за что и будет вознаграждён на обратном пути людьми, получившими дары от него по дороге за славой.

Особого внимания в изучении абхазских застольных проклятий заслуживает пространство. Наиболее художественно оно выражено в первых композиционных частях тостов. Точнее, то пространство, в котором находятся те восемь творений, созданных Богом вместе с объектом благопожеланий. Творения эти запрятаны под восьмью башнями, в восьми сундуках, запертых восьмью ключами и т.д. В данном случае оратор даёт понять противнику тоста, что задача его сложна, так как жизнь, успех и удача того, на кого намечен его глаз (если конечно противник знает о своей отрицательной силе) надёжно запрятаны, защищены.

Затем следует перечисление возможностей, данных объекту здравицы, которых, также приводятся пространственные понятия:

Азы уанырыргауа,
Аарцә удыргылауа,
Ацла уаналкбауа,
Саара удыргылауа.
Уаргъа напы укбар,
Арахә рацәаны иаанагауа,
Уарма напы укбар,
Ацара рацәаны иаанагауа...

Переправляя тебя через реку
На берег ближний ставя,

Сорвавшегося с дерева, тебя,
Наземь ставя...
Чтоб протянутая рука твоя правая
Скота много приносила,
Чтоб протянутая рука твоя левая
Денег много приносила...
(Зыхэба 2006: 580–581)

Пространственными элементами богаты тосты с сюжетной линией, так как каждый новый поступок герой совершает в новом месте:

Ушпнсиуаз, ахэажэ архэарас унадгылт.
Ушэақы ааухыухын,
Иагэьдыуцан,
Уа иынхсит.

По пути, ты на свинью наткнулся за углом.
Сняв ружьё своё,
Выстрелил,
И на месте оставил её лежать.
(Кэагэаниа 2008: 111–112)

Что касается личности антигероя, в текстах чаще описывается его неблагополучная жизнь, бедность, несостоятельность. Однако в одном из тостовых посланий приводятся его внешние признаки, по которым (когда проклятие оратора исполнится) можно будет узнать противника благопожеланий:

Җара хазтахым
Иылақәа табаауа,
Ихаңың ыцабауа,
Илымхақәа сағань,
Анцәа дахиырбааит!

У того, кто не хочет нас
Глаза чтоб прогнили,
Зубы чтоб выгнили,
Уши чтоб отсохли,
Пусть таким покажет его нам Анцва!
(Зыхэба 2006: 583–584)

Подобное проклятие вне тостового послания звучит довольно устрашающе, однако проклятия в структуре застольного тоста не вызывают того ужаса, как проклятия в быту, произнесённые в состоянии аффекта, обиды, ссоры,

потому что он смягчается весёлой атмосферой, самим настроением того, кто провозглашает тост, а также сочетанием устрашающего и смешного. Сам автор тоста иногда раскрывает всю несерьёзность своих злопожеланий:

Ацџа зкуа уысгы ишџыиуам,
Зегь ныхџот.

Поднимающие стакан, не проклинаят всё же,
Благословляют все.

(Кџаџџаниа 2008: 119)

Говоря о настроении, которое несут застольные проклятия, Л.Н. Виноградова отмечает: «В подобных формулах (застольных проклятий. – С.Х.) порицания человеческого порока (злости и зависти) нет той степени агрессивности и враждебности, которая характерна для спонтанно рождающихся бытовых проклятий. Наоборот, застольные злоречения произносятся весьма благодушно, так как имеют цель не только заклеймить позором завистника, но и выставить его на посмешище, развеселить участников застолья» (Виноградова 2012: 62).

В адыгских бинарных тостах подобное обязательное обращение-зачин к Богу отсутствует, так же как и возвратное благопожелание в завершении речи оратора, соответственно тост оканчивается злопожелательной частью:

Чтоб дети его голодные, выпрашивая мясо, бегали,
Таким пусть [навсегда] останется!

(Бгажноков 2011: 425)

На основе того, что формирование тоста происходит путём складывания бессменной, устоявшейся части и импровизации оратора, мы можем выделить в удвоенных абхазских застольных тостах следующую структуру: 1) обозначение адресата заздравной части тоста; 2) перечисление благопожеланий в его адрес; 3) перечисление злопожеланий предполагаемому адресату; 4) возврат к светлой части тоста – благопожелательное обращение к адресату. Несмотря на богатейший материал тостовых посланий у абхазов, те же из них, в которых столь органично сочетаются благопожелания и злопожелания, встречаются довольно редко. Подобные удвоенные тосты, не выходя за грани шуточной формы, и при этом сохраняя своё магическое предназначение, являются довольно эффективным противодействием злу.